

О чтеніи философскихъ сочиненій Цицерона въ гимназіяхъ.

Послѣдняя одностороняя реформа средней школы, изъявшая греческій языкъ изъ круга гимназическихъ общеобразовательныхъ предметовъ, нанесла чувствительный ударъ томy самому дѣлу, которому предполагала помочь, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишила гимназію единственнаго средства для ознакомленія учащихся съ одной стороной античной культуры, отрицать неизмѣримое значеніе которой, полагаю, призадумаются и самые ярые противники классицизма: я подразумѣваю исторію древней философіи. Ранѣе уже въ VI классѣ ученикъ знакомился съ личностью Сократа по воспоминаніямъ Ксенофонта. Въ VII—VIII классѣ онъ читалъ—худо ли, хорошо ли, вопросъ

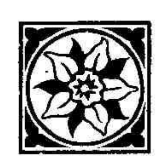
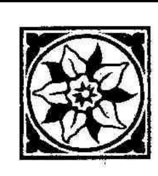
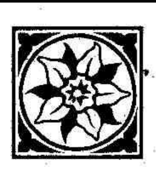
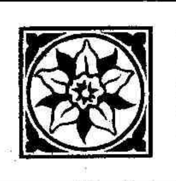
*) Вообще, какъ военный терминъ, выраженіе значитъ: выстроиться, стать въ ряды. Ср. Лисій, Or. 13, 81: дойдя до воротъ, они выстроились.

посторонній—діалоги Платона и изъ объясненій учителя, равно какъ изъ предпосылавшагося чтенію введенія, знакомился съ главнѣйшими теченіями греческой философской мысли. Конечно, нужно предполагать, что при раціональной постановкѣ преподаванія, при нѣкоторомъ стараніи со стороны учителя кое что пригодное изъ этого хотя бы неполнаго и частнаго знакомства съ греческой философіей запечатлѣвалось въ умѣ и сердцѣ ученика. Допустимъ,—немногое, но и это немногое было цѣнно. Въ настоящее время цѣлая область дѣятельности человѣческаго ума,—и дѣятельности такой, плодами которой мы всѣ пользуемся, живемъ, питаемся, — остается закрытой для гимназистовъ. Правда, въ курсъ старшихъ классовъ гимназій введены два новыхъ предмета, на первый взглядъ могущихъ служить палліативами. Это— психологія и логика. Однако эти предметы, при всей ихъ важности, далеко не могутъ замѣнить непосредственнаго знакомства съ такими шедеврами греческой философской мысли, какъ діалоги Платона. Значеніе послѣднихъ не только въ томъ, что они знакомятъ ученика съ исторіей философіи: они знакомятъ его довольно коротко съ самой философіей. Здѣсь учащійся, какъ бы присутствуя въ лабораторіи при производствѣ опытовъ химическаго анализа, воочію видитъ и самолично наблюдаетъ, какъ разлагаются и создаются элементы философской мысли, какъ соединяются, преобразуются и добываются изъ колбы уже въ кристаллизованномъ видѣ философскія понятія, опредѣленія, сужденія, теоріи. Со стороны формальной мысль учащагося невольно и незамѣтно для него самого дисциплинируется и пріобрѣтаетъ гибкость, эластичность и глубину. Эта сторона при изученіи логики и психологіи безъ знанія и греческаго языка совершенно отсутствуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствуетъ и одно изъ условій, необходимыхъ для раціональнаго усвоенія этихъ предметовъ—подготовленность ума къ отвлеченному мышленію.

Однако цѣль настоящей статьи заключается не въ обсужденіи значенія логики и психологіи, какъ предметовъ гимназическаго преподаванія, а въ томъ, чтобы съ отпаденіемъ столь важнаго общеобразовательнаго предмета, какимъ было изученіе греческаго языка вообще, а въ частности чтеніе греческихъ философскихъ сочиненій, найти возможный выходъ изъ создавшагося положенія между Сциллой и Харибдой—недостаточной подготовкой учащихся къ усвоенію философскихъ предметовъ съ одной стороны и обязательностью ихъ прохожденія съ другой. Выходъ этотъ представляютъ намъ философскія сочиненія Цицерона: τῷ καιρῷ πάντα πρόσεστι καλά.

А. Бекштремъ.

Окончаніе слѣдуетъ.

О чтенiи философскихъ сочиненiй Цицерона въ гимназiяхъ.

Окончанiе *)

Въ объяснительной запискѣ чтенiе философскихъ сочиненiй Цицерона, на равнѣ съ Т. Ливiемъ, рекомендовано для восьмыхъ классовъ гимназiй. Однако, мнѣ кажется, было бы гораздо цѣлесообразнѣе замѣнить чтенiе „болѣе трудныхъ рѣчей Цицерона“ въ VII классѣ именно чтенiемъ философскихъ его сочиненiй, а чтенiе указанныхъ рѣчей отнести къ курсу VIII класса. Почему необходима такая перестановка, мы сейчасъ скажемъ.

Послѣ уничтоженiя греческаго языка въ гимназiяхъ, единственнымъ источникомъ болѣе или менѣе непосредственнаго знакомства съ древне-греческой философiей остаются для учащихся средней школы философскiя сочиненiя Цицерона, въ которыхъ, кстати сказать, сохранилось многое изъ произведенiй греческихъ мыслителей, чего мы не найдемъ у другихъ авторовъ. Излишне говорить о богатствѣ этой сокровищницы, если припомнить, что уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ явилась мысль написать исторiю греческой философiи на основанiи однихъ сочиненiй Цицерона. Мысль эта была приведена въ исполненiе Фр. Гедике. Какъ,—это насъ не касается. Достаточно сказать, что эта работа выдержала нѣсколько изданiй **). Правда, дiалоги Цицерона далеко уступаютъ платоновскимъ: они ближе всего къ искусственному дiалогу Аристотеля, да и самъ Цицеронъ принадлежитъ другому времени, другой школѣ, другой нацiи, но съ этимъ приходится мириться, разъ нельзя предложить ничего лучшаго. Кромѣ того, нужно знать, что и собственныя заслуги Цицерона въ области философiи вовсе не такъ малы, какъ иные, можетъ быть, думаютъ. Стоитъ припомнить, что такой мыслитель, какъ Гербартъ, высоко цѣнилъ Цицерона ***).

---

*) См: Герм. № 1, 1908 г.

**) Послѣднее, насколько мнѣ извѣстно, относится къ 1815 г.

***) Herbart, Ueber die Philosophie Ciceros, Sämtl. Werke XII, 169 слл.

Однако распространяться объ этомъ я считаю неумѣстнымъ, такъ какъ здѣсь насъ занимаетъ другой вопросъ,—вопросъ о томъ, насколько сочиненія Цицерона служатъ нашему знакомству съ исторіей греческой философіи. Разсматривая съ этой точки зрѣнія такія философскія сочиненія его, какъ De natura или De finibus, мы видимъ, что съ одной стороны они даютъ богатый матеріалъ для попутныхъ съ чтеніемъ экскурсовъ въ область исторіи греческой философіи, съ другой стороны нуждаются, подобно Воспоминаніямъ Ксенофонта и Діалогамъ Платона, въ соотвѣтственномъ историко-философскомъ же введеніи. Раціональное усвоеніе главныхъ философскихъ теченій въ древней Греціи и изощреніе ума учащихся въ разборѣ послѣдовательно развиваемыхъ, доказываемыхъ или разбиваемыхъ авторомъ положеній вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ достаточно подготовляетъ почву для прохожденія и успѣшнаго усвоенія предметовъ философской пропедевтики—психологіи и логики. Со стороны содержанія къ чтенію философскихъ произведеній Цицерона въ VII классѣ нѣтъ препятствій, вслѣдствіе популярности ихъ изложенія. Но, быть можетъ, эти препятствія явятся со стороны языка? Отнюдь нѣтъ. Если ученикъ VII класса считается достаточно подготовленнымъ къ чтенію Исторіи Т. Ливія, то тѣмъ болѣе ему будетъ доступенъ легкій и блестящій, изящный и ясный способъ выраженій Цицерона, съ которымъ, кстати, учащійся уже нѣсколько знакомъ, такъ какъ читалъ наиболѣе легкія его рѣчи въ VI классѣ.

Есть и другая причина желать предлагаемаго измѣненія въ порядкѣ прохожденія министерской программы. Хотя эта причина является для насъ второстепенной, однако я считаю нужнымъ и на ней остановиться немного. Въ блестящемъ докладѣ „О чтеніи судебныхъ рѣчей Цицерона въ гимназіяхъ“, сдѣланномъ въ Обществѣ Классической филологіи и педагогики и напечатанномъ въ Филологическомъ Обозрѣніи, т. VII (1894), стр. 143—166, Ѳ. Ф. Зѣлинскій установилъ совершенно резонно тѣ нормы, по которымъ должны читаться судебныя рѣчи нашего оратора. Здѣсь не мѣсто повторять и пересказывать тѣ требованія, которыя Ѳ. Ф. выставилъ въ своемъ рефератѣ. Притомъ самый докладъ такъ общедоступенъ, что и надобности въ этомъ не встрѣчается. Поэтому укажемъ только на то, что чтеніе рѣчей Цицерона именно какъ *судебныхъ* рѣчей всего умѣстнѣе въ VII классѣ, такъ какъ по новой программѣ именно въ курсъ этого класса введенъ новый предметъ—законовѣдѣніе (правильнѣе, кажется, было бы назвать его „правовѣдѣніемъ“?). Такимъ образомъ чтеніе судебныхъ рѣчей Цицерона въ VIII классѣ производилось бы съ сугубой пользой для обоихъ предметовъ, такъ какъ помогло бы читающему „выяснить себѣ и довольно существенное различіе и еще болѣе существенное

сходство между римскимъ и русскимъ судопроизводствомъ“ *) и такимъ образомъ въ полной ясности представить себѣ и то, и другое. Съ другой стороны, „та философія, которой проникнуто Цицероново краснорѣчіе,... сводится къ двумъ обязательно извѣстнымъ всякому филологу дисциплинамъ—къ логикѣ и психологіи“ **). И съ этой точки зрѣнія болѣе желательно чтеніе Цицероновскихъ рѣчей въ VIII классѣ, когда ученики знаютъ уже психологію и знакомятся съ логикой.

На этомъ можно было бы остановиться, разъ мы признали возможность и желательность чтенія философскихъ сочиненій Цицерона въ VII классѣ гимназіи. Однако наше разсужденіе не было бы полнымъ, если бы мы не коснулись вопроса, какія именно изъ философскихъ сочиненій Цицерона наиболѣе всего удовлетворяютъ выставленнымъ нами требованіямъ. Вѣдь не всѣ они одинаково пригодны для нашего знакомства съ греческой философіей, не всѣ они въ этомъ отношеніи для насъ равноцѣнны. Министерская программа рекомендуетъ пять философскихъ сочиненій Цицерона—de senectute, de amicitia, Tusculanae disputationes, de officiis, отрывокъ изъ 6-ой книги de republica, сохраненный намъ Макробіемъ подъ названіемъ somnium Scipionis. Этимъ наша задача значительно съуживается и упрощается. Притомъ намъ незачѣмъ подвергать подробному разбору каждое изъ этихъ сочиненій; они всѣми читаются и всѣмъ извѣстны и доступны. Изъ этого списка я исключилъ бы только somnium Scipionis вслѣдствіе его отрывочности и ничтожной содержательности, исчерпывающейся однимъ положеніемъ: bene meritis de patria quasi limes ad caeli aditum patet. Объ остальныхъ четырехъ сочиненіяхъ достаточно будетъ замѣтить—и это само собою разумѣется,—что всего пригоднѣе для нашей цѣли то изъ нихъ, въ которомъ удѣляется всего болѣе мѣста разбору и обозрѣнію древнихъ философскихъ системъ, которое позволяетъ намъ чаще всего останавливаться на ученіяхъ представителей различныхъ школъ, а такимъ трудомъ изъ числа рекомендованныхъ являются однѣ только Tusculanae disputationes и, отчасти, пожалуй, de officiis. Конечно, и чтеніе de senectute и de amicitia предполагаетъ предварительное знакомство съ древней и новой академіей, перипатетиками, стоиками, эпикурейцами, но болѣе или менѣе въ общихъ чертахъ, причемъ многія характерныя особенности этихъ ученій оказываются внѣ прямой связи съ содержаніемъ читаемаго сочиненія. Въ гораздо большей степени удовлетворяютъ высказаннымъ

*) Зѣлинскій, l. l. 156.
**) Ibid. 157.

нами требованіямъ Тускуланскія бесѣды и сочиненіе Объ обязанностяхъ (главнымъ образомъ, первая его книга). Поэтому я и останавливаю свой выборъ на этихъ двухъ произведеніяхъ, въ значительно большей степени отдавая преимущество именно Тускуланскимъ бесѣдамъ. Въ какомъ объемѣ необходимо при этомъ излагать исторію греческой философіи, должны подсказать учителю чувство мѣры *) и собственная его освоенность съ этой дисциплиной.

А. Бекштремъ.

*) Ср. Гермесъ, 1907, № 5, стр. 127.